

Булат без гитары

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Памятник Булату Окуджаве, открывшийся в эти дни на Арбате, стал бронзовым итогом его поэзии. Странно, но только в XXI веке строки его стихов наконец-то отделились от гитарной мелодии и зазвучали сами по себе. Теперь уже как стихи. «Песенка — к сердцу лесенка», — написал когда-то Хлебников, но сам он песенок не писал. Песенки Вертинского кружат головы вот уже почти что сто лет и нисколечко не устаревают. Его учитель Кузмин говорил: «У меня не песни, а песенки, но в них яд», — однако ни песен, ни песенок от него не осталось. Звучат только стихи. Возможно, что нечто подобное произойдет с поэзией Окуджавы. Разве обязательно петь: «Капли датского короля пейте, кавалеры». Сейчас это уже не поется, а просто с улыбкой произносится и притом обязательно про себя и совсем необязательно вслух. «Всю ночь кричали петухи, // И шеями мотали, // Как будто новые стихи, // Закрыв глаза, читали». Я с удивлением замечая, что без мелодии эти слова гораздо тоньше передают сладкую иронию второй половины XX века, самоиронию шестидесятников, о которую разбился, разбивается и будет разбиваться всякий официальный пафос. «Из конца в конце апреля путь держу я. // Стали звезды и крупнее и добрее. // Что ты, мама, это я дежурю // Я дежурный по апрелю». Сегодня совсем не обязательно знать, что это дежурят модные в то время дружинники, следящие за порядком. Можно забыть, что эти отряды дружинников сами превратились в хулиганские банды, потрошащие карманы прохожих. А вот «дежурного по апрелю» забыть нельзя.

Только сейчас стала заметна ритмическая нестандартность и плавность его стиха. «Последний троллейбус по улицам мчит. // Вершит по бульварам круженье. // Чтоб всех подобороть, потерпевших в ночи // Крушенье». Только теперь становится понятно, что казавшийся таким простым и непринятым стих Окуджавы интонационно ни на кого не похож. Верный признак поэзии — непохожесть.

Я не люблю многих героев его поэзии. Все эти фиксатые Ленки Королевы, все эти отважные бумажные солдатики с хулиганской романтикой арбатских дворов все не обязательно должны вызывать симпатию. А вот «возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке» почему-то опять звучало, хотя совсем не так, как вначале. Немногие из поэтов XX века могут похвастать таким обилием пословиц и крылатых фраз, выпорхнувших из песен. «Поднявший меч на наш союз...». И все, далее можно не продолжать. Есть какая-то странная закономерность: фраза, чтобы стать крылатой, часто должна решительно оторваться от рифмы. «Давайте говорить друг другу комплименты» — не то цита-

Возвращение арбатского эмигранта.

та, не то пословица, но, упаси Боже, продолжить в рифму «ведь это все любви прекрасные моменты». Тогда фраза утратит крылья и упадет обратно в стих.

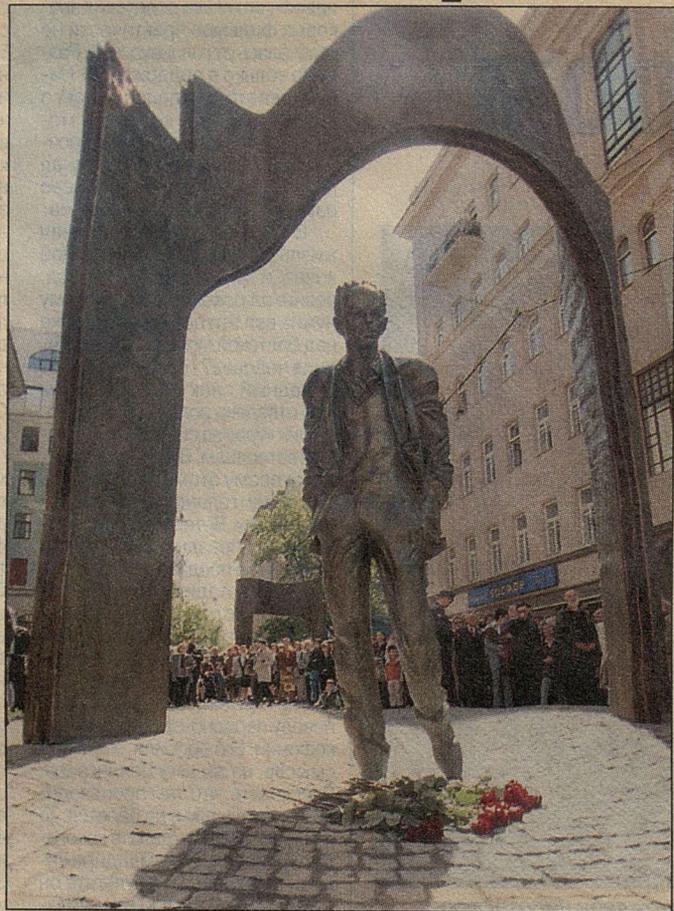
Многие считают, и вполне справедливо, что гитаризм убил поэзию. Я с этим мнением полностью согласен. Слух, разврщенный довольно примитивным и монотонным треньканьем, перестает воспринимать тончайшие нюансы стиха. А поэзия всегда в полутонах, обертонах и нюансах. Ранний Окуджав часто говорил «я». «Я — дворянин арбатского двора». Потом, когда это «я» достаточно мощно прозвучало, преодолев барьеры, он все чаще стал говорить от лица некоего невидимого содружества людей, к которым обращены слова его песен.

В начале 90-х Окуджав сказал мне с горечью: «Спектакль закончился, музыка отзвучала». Все стали возражать, мол, где же закончился, когда полон зал. Окуджав сделал паузу и снова сказал: «Публика еще ходит, но театр давно умер». Возможно, он чувствовал себя подавленным после операции, но, скорей всего, это было очень тонкое чувство аудитории. Поэт не мог не чувствовать, что теперь его поэзию воспринимают как ретро. Пройдет еще немного лет, и ностальгия по Окуджаве, еще живому, станет уверенно вытеснять все остальные оттенки его поэзии. Действительно, есть опасность, что Окуджаву будут любить, как Вер-

тинского, — ретрово и ностальгически. Такое случается с поэтами, вобравшими в себя свое время. В день рождения Окуджавы, 9 мая, концерт длился весь день, сначала в сквере на улице, потом в помещении. Великое множество людей, от юмориста Арканова до гитариста Макаревича, что-то исполняли и пело. Тексты самого Окуджавы звучали в гомеопатических дозах, и это правильно. Мы еще не отделились от его непревзойденного авторского исполнения, с которым кто же сравнится.

Большое достоинство памятника на Арбате — в том, что Окуджав здесь не играет и не поет. Строки из его стихов, ставших песнями, врезанные в бронзу, ждут великого чуда, когда песни превратятся в стихи. И это будет второе пришествие Окуджавы, уже поэта.

Если окинуть мысленным взором поэзию Окуджавы, перед нами окажется интереснейший роман. Поэт поправил бы: «Не роман, а роман в песнях, дьявольская разница». Сравнивая стихи Окуджавы с его прозой, невольно замечаешь, что романтическая ироничная интонация его песен задает тон, и, мне иногда кажется, что повести Окуджавы — это всего лишь панорама нескольких почему-то не написанных песен. Окуджав поет, как пишет, и пишет, как поет. В этом секрет его арбатского магнетизма, притянувшего к себе весь материк России. Надолго? Навсегда.

ИТАР-ТАСС. БОРИС КАВАШКИН